

УДК 82

С.П. Гудкова

Основные тенденции развития жанра поэмы (на материале творчества русских поэтов Мордовии)

Аннотация. В статье рассматривается проблема специфики функционирования жанра поэмы в русской поэзии Мордовии конца XX – начала XXI века. В процессе анализа выделяются ее жанрово-видовые модификации. Значительный акцент в работе сделан на осмыслении поэмы с сюжетно-повествовательной основой. Автор статьи приходит к выводу о том, что наибольшее развитие в поэзии Мордовии получили историческая и героическая поэмы, основанные на мифологическом и фольклорном материале мордовского народа. Подробный анализ поэм Э. Симдяновой, В. Юшкина и А. Шаронова позволяет автору говорить об эволюции крупных жанровых форм в русской лироэпике Мордовии, в которой наиболее репрезентативно проявляется поэтический диалог культур.

Ключевые слова: современная поэзия, жанр, поэма, жанровые модификации, историко-героическая поэма, диалог культур, мифология, фольклор.

S.P. Gudkova

Main development trends of the poem genre (based on the material of works of russian poets of Mordovia)

Summary. The article considers specific features of functioning of the poem genre in Russian poetry of Mordovia at the end of XX – beginning of XXI century. Its genre-specific modifications are highlighted in the process of analysis. Considerable emphasis is done on the understanding of the poem with the narrative basis. The author comes to the conclusion that historical and heroic poems based on mythology and folklore material of the Mordvin people had the greatest development in the poetry of Mordovia. A detailed analysis of poems by E. Simdyanova, V. Yushkin and A. Sharonov allows the author to talk about the evolution of large genre forms in Russian lyrical epic of Mordovia, in which poetic dialogue of cultures is the most representative.

Keywords: modern poetry, genre poem, genre modifications, historical-heroic poem, intercultural dialogue, mythology, folklore.

В последнее время среди литературоведов и критиков ведутся споры о приоритетном положении неканонических жанров и о возможных путях их трансформации. В центре дискуссий чаще всего оказывается жанр романа, как наиболее гибкий, «становящийся и еще не готовый жанр» (М.М. Бахтин). Не менее интересным и дискуссионным является и вопрос бытования в современном поэтическом пространстве жанра поэмы, где также существенен процесс формирования новых жанровых стратегий.

Свою неканоническую природу поэма формирует в эпоху романтизма, когда начинается принципиальное отрицание жанровых канонов и образцов. Поэма, как и многие жанровые структуры, наиболее активно видоизменяется в постромантические эпохи. Она утрачивает каноническую строгость, становясь податливым и гибким жанром, что приводит к появлению разнообразных ее модификаций на современном этапе литературного развития [1].

Интересным в этом отношении является и характер бытования жанра поэмы в творчестве современных русских поэтов Мордовии. В своем развитии русская литература Мордовии опирается как на традиции классической русской литературы, так и на наследие мордовского этноса, которые и определяют характер духовности, индивидуальности, ментальности повествования. Поэтическое творчество русских авторов привлекает внимание в первую очередь обращением к мордовским мотивам: введение образов исторических личностей, традиций, культуры, быта, лексики мордвы. Доказательным является тот факт, что многочисленные и разноплановые следы мордовского влияния выступают не случайными экзотическими вкраплениями, а целостной системой приемов, направленных на обеспечение органичного существования в русской событийно-языковой художественной стихии национального, мордовского героя [2].

Поэма в творчестве русских писателей Мордовии представлена богатым жанрово-видовым многообразием, в ней происходит интенсивный процесс обновления традиционных жанровых форм, широкий межнациональный диалог художественных традиций. Современное состояние данного жанра настолько отличается от уровня достигнутого в предшествующий период, что можно с известным основанием говорить о качественно новом этапе его развития. Он характеризуется новой идейно-эстетической ориентацией, связанной с такими тенденциями в становлении, как усиление личностного начала, расширение сферы лирического выражения, внутренних границ поэзии, тяга к философичности, поиск новых экспериментальных форм и способов выражения.

Современные русские поэты Мордовии чаще всего разрабатывают поэму на сюжетно-повествовательной основе. Ее отличительными чертами являются: лаконичность сюжета, обладающего самостоятельной художественной ценностью, пунктирность его развития; сочетание повествовательной характеристики

действующих лиц, событий и их раскрытие через восприятие и оценку лирического героя, повествователя, играющего в поэме активную роль; использование наряду с традиционными средствами изобразительности экспериментально-новаторских поэтических элементов, привносящих дополнительные смысловые коды в общую идейно-смысловую организацию поэтического текста. К такому типу поэм можно отнести произведения В. Юшкина «Мурза Акайка», Э. Симдяновой «Вечный огонь», В. Егорова «Глубинный свет», Н. Снегирева «Русь богатырская», В. Гадаева «Монумент», «Магнит-земля», «Аушвиц», А. Шаронова «Кудадей», «Иван и жар-птица», В. Федосеева «Прощание с веком», В. Абрамова «Легенда о серебряном всаднике» и др.

Не меньший интерес вызывает и лиро-эпическая поэма на ассоциативно-метафорической основе. Доминирующее положение в таком типе поэтических текстов занимает развернутая метафора, на которой строится движение основного лирического мотива [3]. Образы-символы придают особую идейно-эмоциональную нагрузку основному художественному образу, расширяя смысловое поле поэтического текста. Показательными в этом отношении являются поэмы А. Громыхина «Эрзянский апостол», Н. Васильева «Из дневника (1976–1977)», В. Мишкина «Щеколда», «С подругой в ссоре? Memento more!», П. Громова «Возвращение» и др.

Необходимо отметить, что характерные особенности поэтики постмодернизма нашли яркое выражение в жанровых модификациях современной поэмы Мордовии. Литературная игра, эклектичность поэтической ткани, отсутствие традиционного лиризма, тотальный характер иронии, ревизия литературной традиции – становятся главными отличительными свойствами современного лироэпического жанра. Все чаще в творчестве современных авторов наблюдается интерес к сугубо филологическим проблемам, что приводит к ярко выраженным поэтическим экспериментам как в области формы, так и содержания жанра поэмы.

В данном поэтическом направлении мы можем выделить такие виды поэм, как поэма-эксперимент, поэма-мозаика, поэма-игра [4; 5]. Экспериментально-игровой характер приобретают поэмы С. Сеничева, С. Казнова, В. Мишкина, П. Громова и др.

В своей статье мы остановимся на анализе поэмы с сюжетно-повествовательной основой, которая является наиболее распространенной в поэтической практике Мордовии. Внутри обозначенной жанрово-видовой разновидности можно выделить историческую, героическую, историко-биографическую, лирико-публицистическую, лирико-драматическую, мемуарную и др. типы поэм.

Следует отметить, что одной из характерных особенностей русской поэмы Мордовии является воспроизведение прошлого мордовской нации, ее становления и развития. Без обращения к эпическому наследию эрзян и мокшан сложно представить формирование мордвы как самобытного этноса. Сегодня фольклорные и мифологические сюжеты как русского, так и мордовского народов получают новую литературную обработку. Поэты активно предлагают свои версии осмысления национальной истории.

Так, в исторических поэмах В. Юшкина «Мурза Акайка» (1971), Э. Симдяновой «Вечный огонь» (1974), И. Пиняева «Высота» (1975), В. Гадаева «Магнит-земля» (1986) важное место принадлежит полноправному герою литературы – историческому времени. Художественное время – одно из важнейших характеристик литературного образа и художественного текста в целом. Время в произведении может быть «замкнутым», выключенным из исторического отчета, и «открытым». В последнем случае все изображенное в произведении вводится в широкий поток исторического или хроникально-бытового времени. Именно «открытое» время присутствует в исторических поэмах В. Юшкина «Мурза Акайка» и Э. Симдяновой «Вечный огонь», воссоздающих в художественной форме исторически важный период в судьбе России – крестьянскую

войну под предводительством Степана Разина. В центре внимания авторов фигуры сподвижников Разина – атамана Алены Арзамасской и бесстрашного военачальника Мурзы Акайки. Объектом художественного исследования и осмысления здесь стали национальный характер, глубина и мощь колоритных исторических образов. Так, Алена Арзамасская показана Э. Симдяновой как яркая представительница мордовского народа. Поэтесса использует разнообразные художественно-изобразительные приемы, подчеркивающие мордовские национальные черты личности героини. Э. Симдянова обращается к языковой стихии эрзянского и мокшанского народов, которая передается с помощью лексических вкраплений в речь персонажей. Ориентация на мордовский фольклор и мифологию помогает автору создать интонационное пространство, раскрыть силу духа и мужество Алены. Физическая и духовная красота этой женщины рождает в воображении поэтессы ассоциацию с образом мордовской языческой богини Вирявы: «От всей ее ладной фигуры, / Как будто исходит волна. / И кажется: лес этот хмурый, / Река и земля – все она. / Высокая, статная, в теле, / А грудь, как тугой каравай. / Вирява и в самом-то деле – / Пропал ты навеки, Учай» [6, 12].

Мир прошлого, история эрзя-мокшанского этноса занимают главное место и в исторической поэме В. Юшкина «Мурза Акайка» [7]. В этом произведении писатель проявляется как мастер крупной лироэпической формы. В. Юшкину удается передать всю полноту народного характера, показать условия общественной и частной жизни, обычаи, нравы, интересы и степень самосознания нации. Автор в рамках поэмы реализует сложную творческую задачу – воссоздать большой отрезок истории в сюжете, образах, характерах и картинах. Однако в ходе повествования на первый план выдвигается и лирическое начало, делается акцент на судьбе отдельной личности. Автора интересует конкретный человек, наделенный от природы особым даром, талантом, выдающимися способностями, проявившимися

таким образом, что их воздействие на те или иные стороны жизни оказалось решающим, принципиально важным. От его действий зависит судьба государства, нации не только в настоящем, но и в будущем. События, двигателем и руководителем которых является данный герой, служат фоном для раскрытия характера, образа мыслей и действий человека, занимающего воображение поэта. Отличительной особенностью поэм Э. Симдяновой и В. Юшкина является создание образов мордовских национальных героев, которые тем более интересны, что рождены воображением людей, являющихся носителями другой этнической культуры. Для писателей первостепенное значение имеет раскрытие их внутреннего мира, наблюдение за процессом их духовного роста на фоне широких исторических событий.

Поэтическое осмысление национальной мифологии и фольклора предлагают в своих героических поэмах и А. Шаронов «Кудадей», В. Абрамов «Легенда о серебряном всаднике».

Легенды о Кудадее, насколько известно, в мордовской мифологии нет. Она плод авторской фантазии, художественного вымысла поэта. В фольклоре есть лишь упоминание о «кудадейской земле», где царит радость и благоденствие, где все люди живут в мире и согласии. О существовании такой земли знают все, но никто не знает, где она находится. Это своего рода мечта о гармоничном обществе, которая живет в народном сознании.

На основе многочисленных фольклорных и мифологических сюжетов писатель воссоздает удивительную судьбу родоначальника мордовского народа. Раскрывая образ центрального героя, поэт дает представление о зарождающейся культуре, общественных отношениях, обычаях и традициях эрзян и мокшан, их борьбе за национальную независимость [8].

Фольклорной основой поэмы являются многие сказочные мотивы: обещание человека отдать божественным силам то, о существовании чего он еще не знает; прохождение героем трех испытаний; чудесные превращения и многое др. Подобное обещание дает и отец Кудадея,

который, будучи рыбаком, поймал «рыбу-белугу»: «Срок настал. Собирайся в дорогу, сынок. / Ведень ате тебя твой отец обещал, / Но о том ничего твой родимый не знал. / На семь лет он из дома на Ра уходил / Все семь лет по обычаю рыбу ловил. / На обратном пути, возвращаясь домой, / Поиграть рыбаку захотелось с судьбой. / Он священную рыбу-белугу поймал, / И за это его Ведь атя наказал» [9, 72].

Несколько иной мотив обещания мы можем встретить во многих семейно-брачных мифах мордовского народа. Часто родители обещают богу свою долгожданную дочь, обращаясь к нему за помощью, чтобы он дал им ее или помог в ее воспитании. Данный мотив содержится в многочисленных сюжетных версиях о похищении земной девушки божеством (мифы об Арзавке, Литове, Стиряве, Насилке). В данном случае Инешкипаз идет навстречу родителям, сочувствует их горю, помогает им, тем самым отмечает богоизбранность ребенка: «Ухай, Шкабоваз-кормилец, кие лоткафтолезе авардемда, сянди максолине рвяняккс» [10, 66], («Ухай, Шкабоваз-кормилец, кто бы унял мою дочку, тому б отдала ее в жены»). В авторском произведении, давая обещание, старик не знает о рождении сына: «Пусть твоим будет то, что неведомо мне. / Уж семь лет меня нет на родной стороне» [9, 73]. Но если земные девушки предназначены в жены богу, то герой поэмы Кудадей обещан нечистой силе.

Символично обращение поэта и к образу рыбы-белуги, которая, согласно фольклорным данным, является священной рыбой. Земля, по народным представлениям, держится на трех рыбах – Белуге, Осетре, Севрюге, охраняемых богиней Рававой [10, 25–26]. А.И. Маскаев в этих рыбах видит тотемных рыб, так как их запрещает ловить Равава [11, 237]. Нарушив табу, рыбак расплачивается за это своим сыном.

Повествуя о судьбе главного героя поэмы, автор акцентирует внимание на нравственном воспитании детей родителями, отеческой любви к ним. Отправляя сына в дорогу, отец его благословляет: «Сын! Одолеешь ты в жизни любую беду, / Если в сердце своем сохранишь

доброту. / Она разум наполнит твой светом и путь / Самый верный укажет, лишь верен ей будь» [9, 73]. Поэт передает мудрость эрзян и мокшан, отраженную в эпосе, показывает, что человеку уже при рождении определяется судьба, жизненный путь, по которому необходимо пройти. Поэтому так спокоен и уверен в себе герой: «И ушел Кудадей вслед за солнцем туда, / Где ждала неизвестность его, как беда. / Куда ноги вели, он в ту сторону шел» [9, 73].

Образ Кудадея также во многом сориентирован и на образ мордовского инязора Тюштю. В эпосе Тюштя мыслится и представляется как общенациональный герой, избираемый царем всего мордовского народа, находящийся под покровительством богов. Но прежде, чем стать таковым, эпический герой проходит ряд испытаний. Кудадей, по замыслу автора, является родоначальником эрзянского народа, от которого пошел весь род. Герой поэмы, подобно Тюште, находится под покровительством высших сил, так как они посылают ему помощницу – прекрасную девушку Тейтерь, которая и помогает ему преодолеть три испытания нечистой силы: «Бог навел на меня, знать, тебя, Кудадей, / Чтобы я помогла в горькой доле твоей» [9, 73]. Девушка помогает герою найти хозяина («По дороге лесной и ты и дальше иди. / Попадется тебе дом большой на пути. / Перед ним – ты заметишь – стоит кольев ряд, / А на кольях тех головы грозно торчат. / Среди них твой хозяин. Его чтоб найти, / Не спеша ты вдоль длинного ряда пройди. / Ты узнаешь его. Он на самый конец / Встанет...») [9, 73]; испечь хлеб («Лес сруби, распахни землю, пашню засей... / Хлеб к утру испеки, чтоб был снега белей») [9, 73]; сразиться с жеребцом, в которого перевоплотился колдун («С тобою сам старик / Выйдет биться из гор. Чтоб его одолеть, / Надо силу великую в жилах иметь») [9, 75]. По мнению Е.А. Федосеевой, несмотря на то, что это все недостижимые цели: «Кудадей, однако, оказывается способным решить каждую из поставленных перед ним проблем, чем заслуживает звание лучшего из людей, достойного выполнять функции народного правителя, демиурга.

Происходит это потому, что он находится под покровительством Инешкипаза – бога богов» [12, 270].

Пройдя все перечисленные испытания, герой должен взойти на высокую гору, где старец ему передает основное предназначение – быть родоначальником эрзянского народа: «Вновь отправился в путь Кудадей. И залез / Он на гору, поднялся до самых небес. / Смотрит: ждет там его бородатый старик. / Поклонился ему, головою поник. / «Не пугайся, сынок. Я не вестник беды. / На великую службу сюда послан ты. / Здесь в заставе тебе до конца дней стоять, / Чтобы землю родную от бед охранять» [9, 76]. Кудадей обладает многими качествами, которые сближают его с Тюштей. Это высокий разум, нравственные устои, умение организовать дисциплину и порядок в обществе, следование заветам Инешкипаза. Таким образом, Кудадей является достойным основать эрзянский род: «Семьдесят семь на земле стало сел. / Род Кудадея разросся, расцвел» [9, 77]. Стоит отметить, что, повествуя о процветании кудадейского рода, поэт использует число семь, обладающее магической силой, являющееся символом множества и в мордовском эпосе: «Семьдесят семь Кудадей лет и зим / Жил на горе той, судьбою храним. / Взял он семнадцать жен-матерей...» [9, 77].

Герой поэмы, как и мордовский инязор, проявляет себя на поприще защиты и служения родной земле, людям. «Он трудится на пользу общества, заботится о детях, возделывает поля и, как следствие, – добивается уважения соплеменников» [12, 271]. Но гармоничной жизни мордовского народа грозит опасность в лице змея Миняша. Поэт вводит в структуру художественного произведения характерный для эпоса мотив предупреждения об опасности. В фольклоре вестниками беды чаще всего выступают ласточки, пчелиная матка. Обычно они приносят известия о приближающихся врагах Тюште. В поэме А. Шаронова таким вестником выступает седой старец, который дает трактовку вещим снам героя: «Кончился век твой, – он скоро изрек. – / Вещие видишь

ты сны, Кудадей. / Время грядет для твоих сыновей... / Как ты умрешь, змей Миняша придет / И лютой смерти предаст твой народ» [9, 78]. Герой поэмы не организует свой народ на битву с могучим змеем. В его поступках отражается основная философия эрзя-мокшанского эпоса: «уход от врага и непротивление злу неприятием зла» [13, 140]. Подобно тому, как Тюштя уводит свой народ за море, так и Кудадей дает наставление своим детям: «Вы соберите скорее наш род / И уведите его на восход / Вместо богатства возьмите с собой / Семь моих слов. / В них завет вещей мой» [9, 78].

В семи словах-заветах Кудадея заложены основные законы жизни, «нравственная философия эрзи и мокши, их семейно-бытовая и социальная мудрость» [2, 152], выражающаяся в уважительном отношении детей к родителям: «Будь сыном отца. / Честь береги его в поте лица / В сердце своем постоянно, все дни / Матери нежное имя храни» [9, 79]. В данных заветах провозглашается ценность труда: «Кто человек? Тот, кто трудится» [9, 79]; знания: «Знание сильнее на свете всего. / Больше богатства цените его» [9, 79]. Особый акцент делается на значимости семьи, семейных отношений, хранительницей которых в первую очередь выступает женщина. Только дружбой и единством может выжить любой народ, любая нация: «Чтобы беда / Вас не застала врасплох никогда, / Дружно живите, единой семьей. / Корень один у всех у вас – мой» [9, 80]. Как мы видим, заветы Кудадея – это ничто иное, как нравственные основы бытия, дающие человеку право на бессмертие. Это одна из главных идей поэмы А. Шаронова – вера в человеческое бессмертие: «Смертен лишь тот, у кого нет детей» [9, 80]. Нельзя не

согласиться с утверждением Е.А. Федосеевой о том, что «система правил, составленная Кудадеем, вечна, никогда не устареет, не исчезнет во времени. Потомки Кудадея, Тёкшонь и Тюштя, будут строго следовать этим наставлениям в процессе собирания и обустройства Эрзянской земли. Именно поэтому ни один из врагов, пришедших в Эрзянию, не сможет победить ее народ, почувствовать состояние торжества над ним» [12, 273].

Таким образом, мы смогли убедиться в том, что образ главного героя во многом сориентирован на эрзя-мокшанскую мифологию, выражает собой основы зарождения мордовского народа как нации со своими этническими традициями. Поэту удалось великолепно передать мировоззренческую суть национальной жизни мордовского народа, что говорит о долгой и кропотливой работе по изучению фольклорных текстов, которые благодаря поэтическому таланту писателя получили новое звучание.

Все вышесказанное свидетельствует о наличии серьезного потенциала и перспектив новых – нестандартных – модификаций в традиционном поле современной русской лироэпики Мордовии, что позволяет предполагать реальную возможность дальнейшей эволюции ее крупных поэтических форм, в которых наиболее ярко проявляется поэтический диалог культур. Значительный уровень развития русской поэзии Мордовии позволяет сделать вывод о позитивных качественных изменениях в литературе региона, произошедших в последние десятилетия. Изучение подобного явления демонстрирует его значимость не только для общекультурного пространства республики, но всей истории русской литературы.

Литература

1. Гудкова С.П. Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980–2000-х годов: автореф. дис.... д-ра фил. наук. Саранск, 2011. 41 с.
2. Шаронов А.М., Шаронова Е.А. Трансформация образа героя в эрзянской и мокшанской героической поэзии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2010. – Т. 14. – № 2. – С. 149–164.

3. Гудкова С.П. «Традиционная» и «авангардная» парадигмы в современном поэтическом пространстве: теоретико- и историко-литературные аспекты проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 210–213.
4. Осовский О.Е. Ф. Рабле, карнавал и карнавальная культура в работах М.М. Бахтина 1930–1950-х гг. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2002. – № 1. – С. 59–74.
5. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М.М. Бахтина 1930–1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4–1 (34). – С. 163–167.
6. Симдянова Э. Вечный огонь или повествование об атаманше Алене: поэма. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. 64 с.
7. Юшкин В. Юшкин В.Ю. Мурза Акайка: поэма. Саранск, 1971. 72 с.
8. Федосеева Е.А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Саранск, 2007. 444 с.
9. Шаронов А.М. Кудадей // На земле Инешкипаза: в 2 кн. Кн. 1–2. Саранск, 2006. С. 71–82.
10. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Эпические и лироэпические песни. Саранск, 1963. 400 с.
11. Маскаев А.И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. 440 с.
12. Федосеева Е.А. Кудадей как эпико-исторический персонаж // Язык, литература, культура: диалог поколений: сборник научных статей. Чебоксары, 2004. С. 270–273.
13. Шаронов А.М. Мордовский героический эпос. Саранск, 2001. 207 с.

References

1. Gudkova S.P. Krupnye zhanrovyje formy v russkoj poezii vtoroj poloviny 1980–2000-h godov: avtoref. dis. ... d-ra fil. nauk. Saransk, 2011. 41 s.
2. Sharonov A.M., Sharonova E.A. Transformacija obraza geroja v jerzjanskoj i mokshanskoj geroicheskoj poezii // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. – 2010. – T. 14. – № 2. S. 149–164.
3. Gudkova S.P. «Tradicionnaja» i «avangardnaja» paradigmy v sovremennom poeticheskom prostranstve: teoretiko- i istoriko-literaturnye aspekty problemy // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2009. – № 4. – S. 210–213.
4. Osovskij O.E. F. Rable, karnaval i karnaval'naja kul'tura v rabotah M.M. Bahtina 1930–1950-h gg. // Dialog. Karnaval. Hronotop. – 2002. – № 1. – S. 59–74.
5. Osovskij O.E., Dubrovskaja S.A. Razrabotka koncepcii «smehovogo slova» v trudah M.M. Bahtina 1930–1960-h gg. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – № 4–1 (34). – S. 163–167.
6. Simdjanova Je. Vechnyj ogon' ili povestvovanie ob atamanshe Alene: Pojema. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1974. 64 s.
7. Jushkin V. Jushkin V.Ju. Murza Akajka: Pojema. Saransk, 1971. 72 s.
8. Fedoseeva E.A. Knizhnye formy mordovskogo geroicheskogo jeposa: vzniknovenie i jevoljucija: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.02. Saransk, 2007. 444 s.
9. Sharonov A.M. Kudadej // Na zemle Ineshkipaza: v 2 kn. Кн. 1–2. Saransk, 2006. S. 71–82.
10. Ustno-pojeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T.1. Jepicheskie i lirojepicheskie pesni. Saransk, 1963. 400 s.
11. Maskaev A.I. Mordovskaja narodnaja jepicheskaja pesnja. Saransk, 1964. 440 s.
12. Fedoseeva E.A. Kudadej kak jepiko-istoricheskij personazh // Jazyk, literatura, kul'tura: dialog pokolenij: sbornik nauchnyh statej. Cheboksary, 2004. S. 270–273.
13. Sharonov A.M. Mordovskij geroicheskij jepos. Saransk, 2001. 207 s.